

ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/env/outreach/50247963.pdf> (дата обращения: 21.10.2014).

6. Наилучшие доступные технологии и комплексные экологические разрешения: перспективы применения в России / под ред. М. В. Бегака. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2010. С. 14—15.

7. Солнцев А. М. Международно-правовая защита экологических прав человека: региональная специфика // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 273—279.

8. Анисимов А. П. Развитие эколого-правовой культуры в России: проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 255—259.

9. Рыженков А. Я. Правовое регулирование развития экологического туризма в России: проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 259—264.

REFERENCES

1. Road map of the entry of Russia in OECD [Electronic resource]. URL: <http://oecdru.org/roadmap.html> (date of viewing: 21.10.2014).

2. Tikhomirov Yu. A. Course of comparative jurisprudence. M.: Publishing house NORMA, 1996. P.432.

3. Kopylov M. N. Environmental alternative and the law of development // Annual book of international law. St. Petersburg.: Russia-Neva, 1999. P. 355—359.

4. Kodolova A. V., Manvelova A. B. Implementation problems in the Russian legislation of regulatory legal acts of OECD in the field of environmental protection // Scientific year-book of the Institute of philosophy and law of the Ural office of the Russian Academy of Sciences. 2013. B. 13. Vol. 1. P. 146—155.

5. About prevention and elimination of environmental damage: the law of the Republic Poland of April 13, 2007 [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/env/outreach/50247963.pdf> (date of viewing: 21.10.2014).

6. The best available technologies and complex ecological permissions: application prospects in Russia / ed. by M. V. Begak. M.: Yurinform-Press, 2010. P. 14—15.

7. Solntsev A. M. International legal protection of ecological human rights: regional specifics // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 273—279.

8. Anisimov A. P. Development of environmental culture in Russia: problems and prospects // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 255—259.

9. Ryzhenkov A. Ya. Legal regulation of development of environmental tourism in Russia: problems and prospects // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 259—264.

12.00.08 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

12.00.08 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

УДК 343.9

ББК 67.51

Pavlenko Oksana Vyacheslavovna,
candidate of legal sciences,
associate professor of the department of criminal law
and procedure of the Institute of State and Law
of Tyumen State University,
Tyumen,
e-mail: oksi-pavlenko@yandex.ru

Павленко Оксана Вячеславовна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень,
e-mail: oksi-pavlenko@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ НЕОТВРАТИМОСТИ И СУРОВОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

COMPARATIVE ANALYSIS OF PRINCIPLES OF INEVITABILITY AND SEVERITY OF PUNISHMENT: CRIMINOLOGICAL ASPECT

В статье на основе анализа сущности механизма уголовно-правового воздействия, общественного мнения и позиции отечественного законодателя исследуются вопросы соотношения принципов неотвратимости и суровости ответственности в криминологическом аспекте. Рассматривается исторический опыт реализации принципов уголовного законодательства, анализируются представления граждан и законодателя о суровости и неотвратимости

ответственности в настоящее время. Формулируются выводы о необходимости сохранения суровости ответственности при применении уголовно-правовых санкций, а также об обязательном установлении приоритетности принципа неотвратимости ответственности в практическом применении. Указывается на необходимость законодательного закрепления принципа неотвратимости ответственности.

The issues of correlation of principles of inevitability and severity of punishment are examined in the article in criminological aspects based on analysis of the essence of mechanism of the criminal-legal effect, public opinion and position of domestic legislator. The historical experience of implementing principles of criminal legislation is examined; the current notions of citizens and lawmakers about severity and inevitability of punishment are analyzed. Conclusions about necessity of keeping severity of punishment while applying the criminal sanctions is made, as well as about mandatory prioritizing the principle of punishment inevitability in practical application. The necessity of legislative recognition of the principle of punishment inevitability is underlined.

Ключевые слова: механизм уголовно-правового воздействия, принципы уголовной ответственности, концепция борьбы с преступностью, криминологические исследования, вопросы соотношения принципов, суровость ответственности, неотвратимость ответственности, историческая обусловленность, общественное мнение, законодательная практика, антикоррупционное законодательство.

Keywords: mechanism of criminal-legal effect, principles of criminal responsibility, concept of the fight against crime, criminological research, issues of correlation of principles, severity of punishment, inevitability of punishment, historical causality, public opinion, legal practice, anti-corruption legislation.

Эффективность механизма уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступление, безусловно, зависит от многочисленных факторов, влияющих на преступность. Одним из таких факторов является проблема понимания смысла существования юридической ответственности. «Следует отметить повышенное внимание к вопросам юридической ответственности как со стороны ученых-теоретиков, так и среди юристов» [1, с. 249]. И соответственно повышенное внимание к содержанию уголовно-правовых принципов, определяющих политические, социально-экономические и нравственные закономерности развития общества, а также представления граждан и законодателя по вопросам ответственности за совершение преступления.

С целью совершенствования механизма уголовно-правового воздействия на потенциальных нарушителей закона вопросы принципов уголовной ответственности должны получить криминологическое обоснование с позиции пределов и действительности ответственности. Отказ от криминологических исследований приводит к неправильным приоритетам в борьбе с преступностью и обуславливает непонимание и незнание криминологических стратегий. Данное обстоятельство в целом ведет к кризису современной криминологии и ее методам исследования. И как отмечает профессор С.Л. Сибираков, среди основных признаков кризиса отечественной криминологии выделяется «ограниченность финансовых, материальных и кадровых ресурсов для реализации прикладных концепций борьбы с преступностью и ее предупреждения» [2, с. 33]. Следует отметить, что отсутствие ресурсов определили и неправильные подходы к реализации основных задач уголовно-правового воздействия. Одной из задач такого воздействия является отказ значительного количества граждан от противоправного поведения. В свете данной задачи представляется актуальной проблема соотношения принципов неотвратимости и суровости ответственности как элемента концепции борьбы с преступностью.

Необходимость проведения сравнительного анализа именно данных принципов обусловлена тем, что в настоящее время наблюдаются ужесточение и массовость карательного воздействия на фоне отсутствия представлений о том, какие в связи с этим наступают и могут наступить социальные последствия в практике борьбы с преступностью. Такое положение дел и объясняет значимость исследования данного вопроса, в рамках которого воздействие таких принципов уголовно-правового воздействия, как суровость и неотвратимость ответственности, на поведение человека предопределяет смысл существования уголовно-правового способа регулирования жизнедеятельности общества и государства.

В социальном аспекте термины «суровость» и «неотвратимость» следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, на протяжении практически всей истории отечественного уголовного законодательства наблюдается отождествление данных терминов в сознании не только обычного человека, но и законодателя, а с другой, следует отметить их различие по степени воздействия на лицо, совершившее преступление.

Рассмотрим первый аспект, связанный с отождествлением данных терминов. Такое отождествление в настоящее время переросло в подмену принципа неотвратимости ответственности за преступные деяния в идею уголовно-правового устрашения как наиболее значимого способа воздействия на лиц, совершивших преступление.

Представления о надлежащей или ненадлежащей суровости наказания стали ложиться в основу уголовно-правового воздействия и превратились в единственный эффективный инструмент борьбы с преступностью. Это подтверждается не только результатами социологического опроса обычных граждан, но и официальной позицией законодателя. В частности, опрос более тысячи граждан Тюмени, проводимый с 2009 по 2014 год, показал, что 73,8% от общего числа опрошенных граждан уверены, что в борьбе с преступностью наиболее эффективным будет принцип суровости. Например, на вопрос, как более эффективно, на ваш взгляд, противодействовать преступным проявлениям, ответили: «верните смертную казнь», «сделайте закон суровым для преступников», «наши законы слишком мягкие» и т.д. Позиция законодателя также в настоящее время существенно не отличается от требований общественного сознания. Придавать же особое значение лишь суровости ответственности в механизме уголовно-правового воздействия значит не только основываться на бытовых представлениях об эффективности норм уголовного закона, но и игнорировать исторически сложившийся принцип неотвратимости ответственности за совершение преступления. «Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан» [3, с. 291].

Тем не менее отечественная уголовно-правовая практика исходит именно из суровости. Рассмотрим данное положение на примере Федерального закона «О противодействии коррупции» [4], в котором однозначно смешиваются понятия неотвратимости и суровости. В ст. 3 «Основные принципы противодействия коррупции» провозглашается положение о том, что противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах: 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений; 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции. Несмотря на провозглашение приоритетности профилактического воздействия в противодействии коррупции, все нормы носят императивный характер. Нару-

шение антикоррупционных обязанностей, запретов, требований к служебному поведению служащими в сфере публично-управления влечет в большинстве случаев наказание в виде увольнения в связи с утратой доверия (п. 3 ст. 7.1, п. 9 ст. 8, п. 3 ст. 9, п. 5.1. ст. 11, ст. 13.1 ФЗ «О противодействии коррупции»). Соответственно в рамках таких антикоррупционных требований в настоящее время возникает проблема увольнения лиц с государственной или муниципальной службы, долгое время безупречно и добросовестно реализовывавших свой потенциал на службе, но допустивших коррупционные правонарушения, например, в сфере декларирования своих доходов и доходов своей семьи, которые можно признать малозначительными. Закономерно возникает сомнение в необходимости абсолютизации суровости ответственности без классификации различного рода нарушений.

Также в сфере борьбы с коррупцией все чаще можно услышать предложения о необходимости усилить наказание, лишить права амнистии, уменьшить сроки условно-досрочного освобождения за коррупционные преступления, предусмотреть пожизненное лишение свободы и т. д., несмотря на то что, например, уголовная ответственность за особо квалифицированное взяточничество установлена в Уголовном кодексе РФ в размере до 15 лет лишения свободы. Чем не суровое наказание? Полагаем, что, таким образом, вопросы эффективного воздействия на правонарушителя решаются по формуле «чем суровее, тем эффективнее». Суровость становится сегодня как востребованной в общественном сознании, так и провозглашаемой как наиболее эффективный инструмент в борьбе с любыми криминальными проявлениями.

Приоритетность реализации суровости ответственности в настоящее время можно объяснить следующими причинами: исторической обусловленностью, общественным мнением и законодательной позицией. Рассмотрим данные аспекты.

Историческая обусловленность. Многолетние традиции и история отечественной практики связаны именно с суровым воздействием на преступника. Если в зарубежной практике наказание, допустим, в пять лет лишения свободы считается таким тяжким, что специалисты разных наук думают, как адаптировать такое лицо к возврату в законопослушное общество, то для российской практики суровые наказания — это историческая обусловленность. Тем не менее следует, с одной стороны, учитывать то, что «вопросы о понятии, целях и видах наказаний в каждой стране решаются по-разному с учетом собственных исторических традиций, опыта современного правового регулирования» [5, с. 248], но, с другой стороны, понимать, что практика суровых наказаний в современном мире рассматривается как противоречащая духу современности и не должна отражать сущность государственной власти. В силу вышесказанного становится понятно, что отказываться от суровости ответственности в нашей стране невозможно в силу исторических причин, но и отдавать приоритет суровости недопустимо.

Общественное мнение. В любое историческое время и в любом обществе законопослушный гражданин всегда так или иначе боится ответственности. Вопрос о том, что при этом преобладает: высокие моральные принципы, останавливающие человека перед совершением преступления, или страх перед наказанием, является дискуссионным. Однако вопрос о том, что преступника никогда не останавливал страх перед наказанием, не подвергается сомнению. «Ни одному из известных исследований не удалось доказать, что именно страх перед наказанием, актуализация моральной нормы поведения или привычки поступать в соответствии с законом вы-

ступили причиной несвершения отдельного преступления» [6, с. 129]. Так, в дореволюционной России публичное наказание в виде смертной казни за кражу нисколько не препятствовало совершению краж профессиональными преступниками. Количество краж в толпе, наблюдающей за данной процедурой, не уменьшалось, и никогда не останавливало вора, знающего, что «коллегу» вешали за аналогичное деяние. Любой профессиональный преступник, действуя в общеуголовной, коррупционной или иной противоправной сфере, всегда верит в свою безнаказанность, подкрепляя свои убеждения в слабости действий правоохранительных органов и в возможности ответственности не для всех. Поэтому можно предположить, что для преступника степень эффективности уголовно-правового воздействия будет зависеть не от суровости, а от реальности обеспечения ответственности. Для законопослушного человека, который, как правило, является участником социологических опросов, страх перед наказанием является определяющей характеристикой удержания людей от преступлений — определяющей, так как эту характеристику человек оценивает с точки зрения собственных законопослушных представлений о добре и зле.

Законодательная позиция. В целях обеспечения безопасности личности, интересов общества и государства важнейшей задачей уголовно-правового воздействия является проблема повышения эффективности ответственности лиц, нарушивших закон. Тем не менее в стратегии борьбы с преступностью отказа от карательного уклона уголовного законодательства и практики его применения не происходит. Одной из основных причин такой политики является показательная система отчетности. «Правоохранительная система ориентирована на валовые показатели. Работу надо не просто сделать, ее следует «показать» [7, с. 3]. Для необходимого обоснования того, что данные решения об усилении ответственности правильны и эффективны, соответствующие органы начинают выполнять показательное статистическое обоснование разумности законодательных решений. В результате массового показательного воздействия на всех граждан получается результат двоякий: обеспечивается статистическая показательность в отношении низовых нарушителей и сохраняется безответственность наиболее умных, хитрых, как правило, профессиональных правонарушителей. Таким образом, на практике неотвратимость ответственности для всех подменяется понятием суровости как сдерживающего эффекта лишь на определенную категорию граждан.

Обратимся ко второму аспекту — воздействию принципов суровости и неотвратимости на лицо, совершающее преступление. Страх перед наказанием присущ всем законопослушным гражданам, для преступника это категория относительная, так как суровость ответственности не удерживает от преступления при условии возможности избежать таковой. Суровость ответственности — это исторически обусловленная, показательно применяемая и законодательно определенная категория. Тем не менее данная категория, абсолютизированная в практическом применении, начинает выполнять несколько иную роль и влечь негативные социальные последствия. «Чем более суровы уголовные наказания, тем сильнее они ожесточают общество, духом и состоянием которого будут воспитываться еще более дерзкие и жестокие преступники» [8, с. 160].

Неотвратимость ответственности — эта категория более широкая, чем суровость, она связана с самой возможностью быть привлеченным к ответственности с более высокой долей вероятности независимо ни от каких обстоятельств. Никакие

условия, связанные с несоответствием уголовного права процессуальному законодательству, неоднозначностью законодательных формулировок; никакие трудности в выявлении и доказывании преступлений; никакие причины, связанные со статусом и положением лица, нарушившего закон, не могут повлиять на привлечение к ответственности лица, нарушившего закон, согласно данному принципу.

Не сам факт суровости, а факт воздействия на лицо, совершившее преступление, становится условием уголовно-правового воздействия. Неотвратимость ответственности, таким образом, связана с самим фактом реагирования на любого правонарушителя, с применением любых законных способов воздействия и включает в себя как суровые меры воздействия, так и иные, отвечающие справедливому и разумному правосудию. Нарушитель в данном случае начинает осознавать неотвратимость не только ответственности, но и неотвратимость деятельности правоохранительной системы и системы правосудия, суровость же становится в зависимость от иных факторов: тяжести содеянного, личности правонарушителя, обстоятельств свершения деяния.

Соответственно в рамках правильного понимания соотношения принципов суровости и неотвратимости ответственности вопрос о противодействии преступности начинает реализовываться в другом направлении, если будет основываться на приоритете принципа неотвратимости от-

ветственности. Воздействие не по принципу выборки лиц, нарушивших закон, и не в рамках показательной системы, а путем перехода в иную плоскость, связанную с недопустимостью нарушения закона независимо ни от каких обстоятельств. Сохранение суровости должно оставаться в отечественной практике, но постоянное усиление ответственности представляет собой лишь слабость государственной власти в решении вопросов уголовно-правового реагирования на правонарушителей.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что любое совершенствование уголовного законодательства должно опираться на ряд факторов: исторические традиции, требования общественного мнения, законодательные ориентиры. В свете проведенного исследования следует отметить, что недопустимо отказываться в силу исторических причин от суровости ответственности при применении уголовно-правовых санкций, но игнорирование принципа неотвратимости ответственности может привести не только к уклонению правонарушителей от уголовной ответственности, но и сформировать неверные представления о соотношении данных принципов. Думается также, что принцип неотвратимости уголовной ответственности за преступление должен быть законодательно отражен в уголовном законодательстве и предопределять весь механизм уголовно-правового воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Обушенко А. Н. Юридическая ответственность за нарушение норм об охране труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 249—251.
2. Сибиряков С. Л. К 20-летию криминологии современной России: состояние, проблемы, перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 32—37.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 года. № 52 (часть I). Ст. 6228.
5. Подройкина И. А. Зарубежный опыт и преемственность при построении системы наказаний в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 248—250.
6. Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений. М.: Академия МВД России, 1992. 396 с.
7. Дарымова Ю. Уголовная политика на «ручном управлении»: интервью с Н. А. Колоколовым // Юридическая газета. 2011. № 15. С. 6—7.
8. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159—176.

REFERENCES

1. Obushenko A. N. Legal responsibility for violation of the occupational health and safety regulations // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 249—251.
2. Sibiriyakov S. L. To the 20th anniversary of criminology of modern Russia: condition, issues and prospects // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 32—37.
3. Bekkariya Ch. O. On crimes and punishments. M.: Stels, 1995. 304 p.
4. On counteraction to corruption: Federal law dated December 25, 2008 № 273-FZ // Collection of the RF legislation dated December 29, 2008 № 52 (part I). Ar. 6228.
5. Podroykina I. A. Foreign experience and continuity of development of the system of punishment in Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 248—250.
6. Maksimov S. V. Effectiveness of the common crime prevention. M.: Academy of the RF Ministry of Internal Affairs, 1992. 396 p.
7. Darymova Yu. Criminal policy at «manual management»: interview with N. A. Kolokolov // Legal newspaper. 2011. № 15. P. 6—7.
8. Elinsky A. V. Constitutional measurement of criminal law // Comparative constitutional review. 2012. № 3. P. 159—176.